

ЭКСПЕРТНЫЙ ВЗГЛЯД

Август 2026 г.

Резюме

• ЭКОНОМИКА РОССИИ: МИЛИТАРИЗАЦИЯ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Экономика России все сильнее разделяется на два сектора. Один из них – расширенный ВПК – получает приоритетный доступ к ресурсам и поддерживает рост. А второй – гражданский сектор – сжимается под давлением дефицита кадров, санкций и бюджетных ограничений. Его быстрого восстановления не следует ожидать даже в случае возможного окончания активной фазы войны: обратная перестройка потребует времени и может сопровождаться новыми экономическими шоками.

• ДЕФИЦИТ БЕНЗИНА В РОССИИ И БЕЛАРУССКАЯ НЕФТЕПЕРЕРАБОТКА: ЧТО ПРОИСХОДИТ И ЧЕГО ОЖИДАТЬ

На фоне топливного кризиса в России, вызванного ударами по местным НПЗ, Беларусь стала перенаправлять произведенные нефтепродукты с экспорта в третьи государства на рынок соседней страны. Нефтеперерабатывающие заводы Беларуси работают близко к максимальной загрузке, и поставки из Беларуси закрывают до четверти текущего дефицита бензина в России.

• (НЕ) ДОЖИТЬ ДО ПЕНСИИ: ПОВЫШЕННАЯ ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ СМЕРТНОСТЬ МУЖЧИН И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОТЕРИ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ

В Беларуси мужчины в среднем живут на 10 лет меньше, чем женщины, а преждевременная смертность среди них – выше. Эта проблема бьет не только по семьям, но и экономике, так как страна теряет человеческий капитал. Решение этой проблемы, в основе которой лежит ряд причин, требует комплексного подхода.

Бюллетень Экспертный Взгляд представляет субъективный экспертный анализ ключевых краткосрочных тенденций белорусской экономики. В каждом выпуске бюллетеня выбираются три наиболее важные тенденции на основе опроса трех экспертов. В резюме фиксируются эти тенденции, а также ожидания трех опрошенных экспертов в отношении будущей экономической динамики. В основной части бюллетеня каждый из экспертов представляет свое видение по одному из проблемных вопросов, свои ожидания и сценарии развития ситуации.

ЭКОНОМИКА РОССИИ: МИЛИТАРИЗАЦИЯ И МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Александра Прокопенко, старший научный сотрудник Берлинского центра Карнеги по изучению России и Евразии

Сектор, связанный с ВПК, растет, остальная экономика сжимается

Экономика России находится в состоянии негативного равновесия. Темпы роста едва отличаются от нуля и практически не отражаются на благосостоянии граждан. И последние несколько месяцев мы видим движение, которое существенно уменьшает шансы на позитивные изменения.

Одна из ключевых характеристик – существенный разрыв внутри экономики. Фактически в ней сформировались два неравных сектора. Первый – это все, что можно назвать расширенным ВПК. Сюда входит непосредственно военно-промышленный комплекс, то есть предприятия, задействованные в выполнении гособоронзаказа, выпуске оружия и различной продукции для нужд армии. Но есть и частично гражданские предприятия: гражданская промышленность, которая работает на выпуск продукции военного назначения или двойного назначения. Это также доля малого и среднего бизнеса, который участвует в «народном» ВПК. А также то, что напрямую сложно отнести к военному спросу – это, например, инфраструктура. Она лежит на региональных бюджетах, но по сути это выполнение нужд армии, Минобороны. Все это можно отнести к расширенному ВПК.

Его довольно сложно оценить достоверно, но в целом доля его довольно велика – около 9–10% ВВП.

Второй – это вся остальная экономика. И в отличие от первого направления, она испытывает шоки, связанные с недофинансированием и недостатком трудовых ресурсов. С учетом контрактного набора в армию, единственный работодатель, который производит 30 000 рабочих мест в месяц, — это армия. Значит, как минимум такое количество человек ежемесячно выбывает с рынка труда, что негативно влияет на экономику.

Получается, что один сектор имеет приоритетный доступ к различным ресурсам, а второй выживает на остатках ресурсов. Кроме этого, гражданский сектор испытывает ограничения, связанные с войной, санкциями, внутренними и внешними ограничениями, а также сложностями в расчетах и платежах. Соответственно, он сжимается значительно быстрее, чем расширенный ВПК.

Дополнительное давление со стороны отрасли нефтепереработки

Дополнительные факторы, которые сейчас ухудшают ситуацию, — это атаки украинских дронов на российские НПЗ. Они не только выводят из строя действующие заводы, но и те, которые находятся на техническом обслуживании, что сказывается на решениях о ремонтах, которые традиционно проводились в летний период.

Одним из последствий этих проблем стал дефицит топлива, из-за которого Россия была вынуждена прибегнуть к импорту бензина – довольно редкому явлению для российской экономики. Ситуация на топливном рынке, от которого напрямую зависит логистика, безусловно, отражается на ценах.

Кроме того, Россия не сумела в полной мере воспользоваться высокими ценами на нефть на мировом рынке. Дело в том, что налоговая система внутри страны устроена таким образом, что необходимо возвращать по демпферу часть средств нефтяным компаниям, чтобы они продолжали удерживать цены на бензин на внутреннем рынке на относительно невысоком уровне. В результате до половины дополнительных доходов, которые Россия получала в связи с ростом цен на нефть на фоне конфликта между Ираном и США, правительство вынуждено было отдавать нефтяникам. В результате этот фактор не способствовал существенному увеличению наполнения бюджета.

Бюджет все сильнее уходит в минус

Дефицит бюджета России продолжает расти: если по итогам первого полугодия он был 5,7 трлн рублей, то за январь – июль достиг 6,46 трлн рублей, или 2,8% ВВП. Сдержать стремительный уход в минус правительству не удастся в связи с большими тратами на ведение войны. Она стала одним из приоритетных направлений наравне с прямыми социальными обязательствами – пенсиями, зарплатами бюджетников. При этом мы не видим значимого роста по собираемости налогов.

Уменьшить дефицит за счет повышения доходной части казны было бы довольно проблематично, так как с точки зрения налоговой нагрузки экономика на пределе. Однако при всем этом выплаты бонусов за подписание военного контракта и ряд других расходов, связанных с контрактной службой, возложили на региональные бюджеты, доходная база у которых сжимается. В связи с этим регионы вынуждены отдавать приоритет финансированию этого направления в ущерб части социальных расходов. В первую очередь это отражается на финансировании ЖКХ и дорожного строительства.

Соответственно, все основные шоки для российской экономики сохраняются, а возможности бюджета смягчать их последствия постепенно сокращаются.

Перевод экономики на мирные рельсы будет постепенным и болезненным

Российскую экономику нельзя назвать военной, так как гражданские предприятия массово не перешли к выпуску военной продукции. Но и полностью гражданской ее тоже не назовешь. Если мы предположим, что исчезнет главный фактор неопределенности – каким-то образом закончится горячая фаза конфликта России и Украины или произойдет заморозка, – перестроить эту двухскоростную экономику обратно в полностью гражданскую будет очень сложно. Как правило, это делается через структурную перестройку, которая сопровождается кризисом, связанным с шоками спроса.

Особенно болезненным такой переход может оказаться для регионов, где военное производство стало одним из основных источников экономического роста. Например, Курганская область, где расположен «Курганмашзавод», который выпускает боевые машины пехоты. В 2023–2024 годах рост производства на заводе заметно подтянул экономику региона и зарплаты населения – они выросли более чем на треть. Но если государство резко перенаправит спрос, например, с военной техники на автомобили, для предприятий такого рода это станет серьезным шоком: упадут заказы, возникнут проблемы с занятостью и зарплатами. Поэтому такие изменения должны происходить постепенно и сопровождаться программами поддержки.

Следовательно, скорее всего, сокращение военных расходов, если и произойдет, то будет очень постепенным. Отдельным вопросом будет стоять возвращение в гражданскую жизнь участников войны, их адаптация к мирному рынку труда и в целом несоответствие квалификаций, необходимых экономике.

Третий фактор – санкции. Они по-прежнему сильно воздействуют на российскую экономику: серьезно увеличивают транзакционные издержки, ограничивают доступ к передовым технологиям. А для дальнейшего развития и роста производительности труда экономике необходим более широкий доступ к технологиям. Сейчас же этого доступа нет. Как мы видим, даже Китай старается не нарушать технологические ограничения и крайне неохотно делится собственными разработками. Следовательно, чтобы ситуация изменилась, ограничения должны быть ослаблены хотя бы частично.

И последний фактор – политический. Для обратной трансформации экономики необходимо, чтобы существенно снизились риски безопасности в широком смысле. Речь о том, как их понимает политическое руководство России, и об угрозах новых прилетов дронов со стороны Украины. А также об издержках, которые российский бизнес несет для защиты собственных инфраструктурных объектов. Все эти риски

должны быть нивелированы. Только тогда можно будет говорить о каком-то здоровом развитии.

Для трансформации важны все эти факторы, совпадение которых во времени выглядит невероятным. Поэтому среднесрочный и долгосрочный прогнозы крайне мрачные.

Перспективы для российской экономики складываются безрадостные

Все это складывается в не очень благоприятную картину на 2026 год. А перспективы 2027-го остаются еще более неопределенными, так как главный фактор, который высасывает деньги и ресурсы из экономики — война, — пока сохраняется.

Уже даже на 2027 год сводить бюджет с текущим уровнем расходов будет сложнее. В связи с чем правительство становится все более жестким в вопросах сбора с бизнеса и населения всех положенных платежей и все более креативным в поиске управленческих решений. Например, сейчас подготовлены поправки, которые дают правительству возможность занимать сверх параметров, установленных законом о бюджете. Как утверждается, это делается для закрытия кассовых разрывов, которых раньше практически не возникало.

Дальше будет только сложнее. Банки уже близки к пределу своих возможностей по покупке облигаций федерального займа, а внешние рынки для российского правительства фактически закрыты. Поэтому занимать деньги становится все труднее. Не исключено, однако, что власти России будут искать способы заставить банки активнее покупать госдолг — возможно, не через прямую обязанность, а с помощью более мягких форм давления. По сути, это уже означает переход к нестандартным способам финансирования бюджетного дефицита.

Несмотря на то что пространства для широкого повышения налогов почти не осталось, а точечные решения не помогут решить фискальные проблемы, нельзя полностью исключать, что такие попытки не будут предприниматься. Кроме того, ожидается важное для экономики кадровое решение: нынешний срок полномочий главы Центробанка РФ Эльвиры Набиуллиной заканчивается в июне 2027 года. Сейчас она выступает живым щитом между денежно-кредитной политикой и попытками Кремля вмешиваться в нее. То, как будет развиваться эта ситуация, покажет, как в целом будет осуществляться экономическая политика.

Кроме того, российская экономика хоть и остается полузакрытой и достаточно изолированной от мировой, все равно является ее частью. Следовательно, любые глобальные шоки, в частности связанные с ценами на нефть, она чувствует очень хорошо.

Есть еще фактор Китая. Он активно поддерживает свою промышленность, а российский рынок выглядит удобным направлением для дешевого китайского импорта. Для России это одновременно и плюс, и риск: товары доступны, но собственное производство теряет конкурентоспособность. Особенно это опасно в критически важных отраслях, где зависимость от КНР может стать проблемой при сбоях поставок. Или если, например, Пекин решит потреблять меньше российской нефти. К тому же растущая зависимость от Китая означает усиление передачи шоков из китайской экономики в российскую.

Доля России в глобальной экономике сократилась до менее чем 1%. Впереди – темпы роста также не более 1% в год и устойчивая повышенная инфляция (выше таргета ЦБ). И что самое важное – сильное отставание от технологического фронта (ИИ, квантовые компьютеры, биотехнологии, космические технологии). Россия будет развиваться на вчерашних технологиях или на том, что достанется с барского стола Китая. Глобальные амбиции сужаются до топтания на заднем дворе технологически развитых держав. Это означает переход к экономике вчерашнего дня.

ДЕФИЦИТ БЕНЗИНА В РОССИИ И БЕЛАРУССКАЯ НЕФТЕПЕРЕРАБОТКА: ЧТО ПРОИСХОДИТ И ЧЕГО ОЖИДАТЬ

Евгений Макаrchук, специалист департамента энергетической безопасности iSANS

Топливный кризис в России на фоне атак по НПЗ

В 2026 году интенсивность ударов дронами по энергетическим объектам России усилилась. В частности, в июле она была выше, чем в начала лета: 16 российских НПЗ подверглись 17 успешным атакам. Кроме этого были зафиксированы атаки на нефтебазы, нефтеперекачивающие станции и портовую инфраструктуру отрасли.

Топливный кризис, вызванный систематическими нарушениями работы объектов нефтехимической отрасли, обострился в первой половине июля. Запас прочности топливного рынка сокращался в результате продолжающейся серии атак по российским НПЗ. На этом фоне усилился ажиотажный спрос на бензин среди населения, которое через многочисленные публикации в медиа видит угрозу дефицита топлива не просто перспективой, а реальностью в отдельных регионах РФ.

В середине лета ситуация, на первый взгляд, стала улучшаться – и напряжение на топливном рынке как будто смягчилось. Однако, речь шла, скорее, лишь о частичной стабилизации и уменьшении дефицита за счет перераспределения нефтепродуктов между регионами России в пользу Москвы и других крупных городов из более отдаленных территорий. Одновременно были предприняты попытки по увеличению производства бензина и задействование резервов.

Между тем, сейчас было бы преждевременно говорить о преодолении дефицита топлива в России и полноценной нормализации ситуации.

Ситуация с производством нефтепродуктов

Официальная статистика по объемам переработки нефти и выпуску нефтепродуктов в РФ в настоящее время не доступна. Тем не менее оценить масштабы соответствующего сокращения можно по ряду косвенных показателей. И они указывают на существенное снижение производства топлива.

В частности, доступны данные Bloomberg¹, которые показывают, что объем переработки нефти в июле сократился на 32,6% к прошлому году. В июле 2026 г. перерабатывалось на 150 тыс. баррелей в сутки меньше, чем в месяце ранее. Если же судить по статистике погрузки нефтепродуктов на сети РЖД, то сокращение в июле 2026 г. выглядит менее провальным – минус 16,2% по сравнению с предыдущим годом. В этом случае стоит учитывать, что не все нефтепродукты перевозятся по железной дороге, соответственно, например, в такой статистике не будет

отражено влияние на производство ударов по прибрежным НПЗ на Волге. Кроме того, необходимость смягчить дефицит в отдельных регионах за счет поставок с более дальних заводов также создавало дополнительный грузопоток по железной дороге, тем самым частично маскируя реальные масштабы падения производства.

На то, что проблема с мощностями по переработке не решена, указывает также сохраняющийся запрет на экспорт дизельного топлива, производству которого в России традиционно присущ значимый избыток, который ранее всегда экспортировался. НПЗ не имеют возможности оперативно менять структуру выпуска продукции, то есть за счет сокращения производства дизеля не получится выпускать больше бензина. К тому же в России отсутствуют масштабные возможности для хранения дизельного топлива. Соответственно, текущее ограничение экспорта, наиболее вероятно, вызвано отсутствием традиционного избытка производства относительно внутреннего потребления в связи с ограниченностью мощностей.

Таким образом, в июле-августе с высокой долей вероятности можно оценить сокращение производства нефтепродуктов в России на 30-35%. Если исходить из того, что в предыдущие годы в среднем на экспорт шло около 10% бензина, то сейчас внутренний рынок сталкивается с дефицитом около 20-25%. Однако населением он может ощущаться слабее за счет перераспределения поставок между регионами и использования резервов.

В абсолютных цифрах – с учетом годового внутреннего потребления бензина в России около 37-38 млн. тонн – дефицит бензина на внутреннем рынке России (относительно привычных объемов) сегодня составляет около 800 тыс. тонн в месяц.

В отношении дизеля сжатие объемов производства не приводит к устойчивому дефициту в России: текущий объем производства, вероятно, близок к внутреннему потреблению. Появляющиеся сложности с дизелем носят скорее локальный характер, и, наиболее вероятно, связаны с проблемами логистики. В последние годы Россия поставляла до 50% произведенного дизеля на экспорт, таким образом сокращение переработки даже вдвое вероятно не приведет к длительному дефициту дизеля. Хотя в отдельные периоды года – в конце лета – начале осени, потребление дизельного топлива увеличивается из-за отпускного сезона и уборочной – сложности с поставками могут возникать при меньшем сокращении переработки.

Поиск топлива на внешних рынках

Одним из способов увеличения предложения топлива в России стал импорт нефтепродуктов. Одним из его поставщиков стала Беларусь, которая еще с

¹ <https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-08-03/ukraine-s-shifting-strikes-deepen-uncertainty-around-russian-oil>

2025 года начала увеличивать поставки топлива на российский рынок – в том числе перерабатывая российскую нефть по давальческой схеме.

С таким предложением РФ обратилась также к Казахстану. Однако в силу ограниченных возможностей для увеличения мощностей переработки он не стал крупным поставщиком топлива.

Параллельно Россия искала нефтепродукты на более удаленных рынках. Сообщалось о партиях дизеля около 30-40 тыс. тонн из Индии, Южной Кореи и даже Марокко, который не располагает собственной значительной нефтепереработкой. По всей вероятности, это поставки из других стран, которые постарались остаться неизвестными.

Вклад в разрешение российского дефицита бензина со стороны Беларуси

В июле Беларусь практически перестала экспортировать нефтепродукты через российские порты в третьи страны, переориентировав все внешние поставки на соседний рынок – они выросли примерно на четверть по сравнению с июнем. Параллельно продолжила работать давальческая схема, по которой Беларусь оказывает лишь услуги по переработке нефти, без ее приобретения. Такая модель позволяет увеличить объем доступного России топлива без полноценной закупки сырья белорусскими заводами.

В июле железнодорожные поставки автомобильного бензина с белорусских НПЗ на внутренний рынок России выросли примерно до 212 тыс. тонн (в июне объем был 172 тыс. тонн).

Таким образом, поставки из Беларуси могут закрывать до четверти текущего дефицита бензина и дизеля на российском рынке.

Стоимость поставок белорусского бензина значительно выше привычных уровней для российского рынка. Так, в последнюю неделю июня белорусский бензин АИ-92 поставлялся примерно по 1520 долларов за тонну – в два раза дороже сопоставимых биржевых цен в России.

Поставки дизеля выросли почти в два раза – примерно до 162 тыс. тонн². Кроме того, в Россию было отправлено около 13 тыс. тонн авиакеросина, против 16 тыс. тонн месяцем ранее. В общей сложности по итогам семи месяцев Беларусь поставила в Россию около 418 тыс. тонн дизеля. Причем Беларусь начала заметно увеличивать поставки дизельного топлива в Россию еще весной, то есть переориентация экспорта началась до наиболее острой фазы топливного кризиса.

Есть основания полагать, что два белорусских НПЗ в 2026 г. существенно увеличили уровень загрузки своих мощностей. Внутренний рынок потребляет примерно 1,1 млн тонн бензина в год, это 90 тыс.

тонн в месяц. Если к этому прибавить июльские поставки в Россию в объеме 212 тыс. тонн, то совокупно его произвели около 302 тыс. тонн. Это соответствует переработке 1,2 млн тонн нефти в месяц, или около 15 млн тонн в год.

Кроме того, вышеприведенный расчет, вероятно, не в полной мере учитывает переработку нефти по давальческой схеме. Если это так, то нефтеперерабатывающие заводы Беларуси уже с начала года работают с загрузкой близкой к максимальной.

Таким образом, белорусские НПЗ гибко реагируют на российский топливный кризис: наращивают объемы переработки сырой нефти и объема экспорта нефтепродуктов в Россию. По мере углубления топливного кризиса в России белорусские нефтепродукты все больше перенаправлялись с экспорта в третьи страны на российский рынок, закрывая до четверти сформировавшегося дефицита.

Топливный дефицит в России все еще не преодолен. Пока этого не произойдет, Беларусь, скорее всего, и далее будет выступать одним из важных источников внешней помощи для покрытия дефицита топлива на российском рынке.

² <https://www.reuters.com/business/energy/gasoline-diesel-exports-belarus-russia-hit-new-record-high-july-sources-say-2026-08-05/>

(НЕ) ДОЖИТЬ ДО ПЕНСИИ: ПОВЫШЕННАЯ ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ СМЕРТНОСТЬ МУЖЧИН И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОТЕРИ ДЛЯ ЭКОНОМИКИ

Лев Львовский, Академический директор, beleconomy.org

Мужчины в Беларуси живут почти на 10 лет меньше женщин

Средняя продолжительность жизни женщин выше³, чем у мужчин, во всех странах мира. Однако если в среднем она отличается на пять лет, то в Беларуси эта разница в два раза выше: средняя продолжительность жизни мужчин – 69,5 года, а женщин – 79,1.

Есть ряд факторов, влияющих на эту разницу. Некоторые из них – чисто биологические. Например, женщины имеют определенное преимущество с генетической точки зрения: у них две Х-хромосомы, тогда как у мужчин – одна Х- и одна Y-хромосома. Поэтому, если в одной из Х-хромосом у женщины возникает неблагоприятное изменение, вторая Х-хромосома в некоторых случаях может частично компенсировать это. У мужчин такой возможности нет.

Частично с этими различиями связан и так называемый парадокс заболеваемости и смертности. Он заключается в том, что женщины чаще страдают от различных заболеваний, которые не приводят к смерти. А мужчины болеют реже, но чаще сталкиваются с острыми и тяжелыми заболеваниями, которые могут приводить к смерти в более молодом возрасте.

Все это объясняет, почему женщины в тех же странах Европы живут дольше. Однако только этими особенностями нельзя обосновать разницу в 10 лет. В этом случае дополнительно подключаются социальные и поведенческие факторы. Например, мужчины во всех возрастах чаще занимаются рискованными активностями, меньше заботятся о своем здоровье: чаще имеют такие привычки как курение и употребление алкоголя, реже обращаются к врачам и проходят комплексные осмотры. Оказывают влияние и социально-экономические факторы: мужчины чаще работают на более вредных производствах и имеют опасные профессии.

Свою роль здесь играет и гендерное неравенство. В обществах, где сильнее укоренены так называемые традиционные гендерные нормы, от мужчин чаще ожидают, что они будут выполнять роль кормильца и соответствовать определенным представлениям о «мужском» поведении. Когда мужчины не справляются с этой ролью, это влияет на их психологическое состояние. В том числе с этим связана более высокая доля суицидов, чем среди женщин. В 2019 году эта разница составляла 4,8 раза: тогда было зафиксировано 36,7 самоубийства на 100 000 человек

среди мужчин и 7,7 среди женщин. А в 2021-м – 5,4 раза: в тот год среди мужчин было 27,7 на 100 000 человек, а среди женщин – 5,1⁴.

Все эти факторы делают Беларусь одной из антилидеров по разнице в средней продолжительности жизни мужчин и женщин.

Мужчины в Беларуси чаще не доживают до старости

Этот разрыв усугубляется повышенной преждевременной смертностью жителей страны мужского пола. По данным ВОЗ, показатель смертности среди взрослого населения в Беларуси в 2019 году среди мужчин был 222, женщин – 76 на 1000 человек, в 2021-м: 247 и 86 соответственно⁵.

С 2019 года в Беларуси практически не публикуются подробные данные о смертности. Это затрудняет оценку того, как менялись ее уровень, какими были основные причины и различия между отдельными группами населения в последние годы.

Если предположить, что, за исключением периода пандемии коронавируса, картина не сильно изменилась, то в целом вероятность дожить до пенсии у белорусского мужчины около 65%, а у женщины – 85%.

Еще одно проявление неравенства заключается в том, что средний мужчина в Беларуси зарабатывает примерно на 26% больше, чем женщина⁶. Соответственно, в течение трудовой деятельности он делает большие отчисления в пенсионный фонд. При этом, как указано выше, вероятность дожить до пенсии у него ниже. А если он все же выходит на пенсию, то в среднем проводит на ней меньше лет. По данным ВОЗ на 2021 год, ожидаемая продолжительность жизни мужчин, которые смогли достигнуть 60 лет, – 14,4 года, тогда как у женщин – чуть более 21 года⁷. Дожив до 60, средняя ожидаемая продолжительность жизни в Беларуси для мужчин – 15,8 лет, для женщин – 22,3. В то же время доля женщин среди людей старше 65 лет составляет 66,3%, а мужчин – только 33,7%.

Как это влияет на экономику

От такого перекоса страдают не только сами белорусские мужчины, но и все общество в целом. Повышенная мужская смертность особенно начинает наблюдаться с 30-40 лет. Это значит, что часть женщин остаются вдовами, а семьи теряют одного из кормильцев. То есть от смерти мужчины страдают также люди, которые были с ним связаны: его родители, дети, жены.

Если рассматривать не отдельно взятого мужчину, а общество в целом, то преждевременная высокая смертность напрямую влияет на экономику. Бела-

³ <https://freepolicybriefs.org/2024/10/01/gender-gap-life-expectancy/>

⁴ <https://data.worldbank.org/indicator/SH.STA.SUIC.MA.P5>

⁵ [https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/adult-mortality-rate-\(probability-of-dying-between-15-and-60-years-per-1000-population\)](https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/adult-mortality-rate-(probability-of-dying-between-15-and-60-years-per-1000-population))

⁶ <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/2d2/iotagk0izrm0mi29ar75z7rf8seyrgv1.pdf>

⁷ <https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/life-expectancy-at-age-60-%28years%29>

русская экономика во многом зависит от человеческого капитала – знаний, навыков, опыта и производительности людей. Когда часть работников умирает преждевременно, страна теряет людей, которые еще могли трудиться, развиваться, передавать опыт и вносить свой вклад в экономику.

Это прямое влияние, но есть и косвенное. Представим гипотетическую ситуацию, в которой все люди уверены, что проживут только один день. Очевидно, что в таких условиях практически никто не стал бы сберегать деньги, инвестировать в будущее, строить дома или создавать предприятия. У людей просто не было бы видения горизонта, ради которого стоило бы все это делать.

Похожим образом – хотя и не настолько радикально – влияют высокая преждевременная смертность среди мужчин и пессимистичные ожидания относительно перспектив продолжительности жизни.

Чем дольше люди живут и чем более долгая жизнь, как они предполагают, им предстоит, тем больше они инвестируют в свое образование, здоровье, собственный человеческий капитал. Тем более производительные они будут потом в своем труде. Как следствие, они с большей вероятностью дольше остаются продуктивными, вкладываются в долгосрочные проекты, открывают компании, строят жилье, делают сбережения, в том числе на пенсию. При более коротком горизонте планирования – в том числе из-за осознания, что в среднем мужчины в Беларуси живут относительно недолго – стимул делать такие вложения намного ниже.

Что можно сделать, чтобы мужчины в Беларуси жили дольше

Проблема большого разрыва в продолжительности жизни и высокой преждевременной смертности

среди мужчин в Беларуси – большая и комплексная. Соответственно, ее невозможно решить лишь каким-то одним действием. Для этого требуется комплекс шагов как со стороны самих людей, так и со стороны государственных структур.

Что касается населения, то здесь речь идет прежде всего о поведенческих факторах. Это, например, отказ от курения и чрезмерного употребления алкоголя, снижение склонности к рискованному поведению. А также более внимательное отношение к своему здоровью: регулярные обследования, профилактика и своевременное обращение к врачам.

Снизить чрезмерную раннюю смертность мужчин способны также некоторые общественные изменения. В их числе стремление и движение к гендерному равенству.

Так как проблема комплексная, заниматься ей должно и государство, начиная с качественного сбора и публикации статистики. Это позволило бы лучше понимать и саму ситуацию, и причины ранней смертности – соответственно, выбирать более эффективные меры для решения этой проблемы. Такие данные, например, помогли бы определить, в какой степени повышенная смертность связана с курением, а в какой – с условиями труда в отраслях, где занято много мужчин. Каждый из этих факторов требует своего подхода к его преодолению.

Кроме того, на государство легла бы задача по просветительской работе, пропаганде. Причем важно, чтобы она не ограничивалась развешиванием плакатов. Она должна быть направлена на то, чтобы мужчины чаще следили за своим здоровьем: регулярно обращались к врачам и проходили профилактические обследования, допустим, в 30, 40 и 50 лет..